

Прізвище, ім'я, по-батькові: Гончарова
Тетяна Опанасівна.

Дата народження: 26.07. 1926.

Місце народження: Україна.

Професія: викладач французької мови та літератури.

Освіта: 1948–1952 – Харківський державний педагогічний інститут іноземних мов ім. Н.К. Крупської.

Місця роботи:

1952–2004 - викладач французької мови та літератури Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов ім. Н. К. Крупської.

1954–1978 – декан факультету французької мови.

Дегерменджи Нина Ивановна: «Это украинка, украинка!» И маму отпустили вот, не расстреляли...»

ОЛЬГА ПОПОВА

Дегерменджи Нина Іванівна, 1932 р.н., с.Бумажна Фабрика Харківської обл., Україна; вчитель російської мови та літератури, завідувач навчальною частиною в школі, пенсіонерка. Дата проведення: 18 січня 2010 р. Тема: «Мое життя».

Нина Ивановна: Родилась в самые страшные годы – 1932-м. Это год, ты знаешь что за год... Это голодоморы... Ну, что сказать, жизнь была сложная. Мама моя рассказывала, что я сидела на лежанке [1], замурзанная [2] вся в саже, почему в саже – потому что рядом с печкой, голодная. Голодная, но не настолько голодная, как бывало в последующие годы были. Сложные были в смысле – неурожай и прочее. У меня было два брата и я, папа, мама. Ну, пережили как-то все без осложнений, нормально, вот хотя я не легко все это пережить, и вот соседи, это родственники все – никто не умер, все остались живы-здоровы. Это Харьковская область, город Змиев [3], стоит на берегу Северского Донца [4], такой своеобразный город, провинциальный. Он стоит на кручах, которые заросли лесами смешанными, очень красивый такой. Северский Донец разлива-ется и, получается, вот кручи все усеяны деревьями, вот необыкновенной красоты, а это как озеро река. Ну, очень красивые мес-

та и слева и справа... В общем, росла на берегах Северского Донца, вот, дитя природы, прекрасно плавала, все было очень хорошо... А годы шли... А, 41-й год [5] ... Харьков, по-моему, дважды в Змиев входили, сдавали и возвращались... наши советские воска Ну, Соколово [6], это страшно, это даже кинофильм создан. Там бойня была не на жизнь, а на смерть, и... трудные годы были. Я запоминаю теперь, сложно мне все, вспомнить подробности, но мы жили в поселке Бумажная Фабрика. Это изготавливали папиросную сигаретную бумагу. Ну, тогда не было сигарет, сигар, папиросная бумага была. Тоже, своеобразный остров, который омывался со всех сторон водой (*пауза*). 41-й год, ну, я не помню точно, когда пришли немцы в наш поселок. Знаю, что маму окружили. Мама была очень интересная женщина У нее такие черные косы были (*показывает*), фотографию потом даже могу показать. Ну, и потом она была похожа на еврейку. И шла от у нас была колонка [7], ну, в общем, ко-

лонка была на расстоянии. Она шла, у нее были полные ведра воды. И немцы заходили в поселок, на мотоциклах, и все окружили ее: «Юда, юда!», в общем. А тут, наверное, еще не очень представляли немцев живых люди, сейчас бы не подошли, окружили... говорили, что «Это украинка, украинка!». И маму отпустили вот, не расстреляли, это первая такая сложность была ну (*пауза*) Потом...какие-то отрывки, я уже последовательности не помню, я знаю, что нас выгоняли с этого поселка, и мы... Да, папа был в партизанском отряде, организовали ж тут бумажная фабрика. И директор клуба был командиром, а папа и мой дядя, тети Любы родной отец, были в партизанском отряде Но как-то сразу раскрыли! Сразу раскрыли вот этот вот партизанский отряд, и вот этого... Наши как-то скрылись, а директора вот, командира партизанского отряда расстреляли, расстреляли и повесили, вот. Долго, вот, а наши как-то, дядя Саша и папа, исчезли, мы не знали об их существовании, вот. Потом, не знаю, через сколько месяцев, не месяцев вот, они как-то появились, и у дедушки...[8] и тяжело заболел, папа мой тяжело заболел. А немцы это там боялись страшно там дизентерии [9] всякой, и они большими буквами написали на воротах, или это люди придумали, что «тиф» [10]. И они не заходили в этот двор. Дедушка [11] был коммунистом, дедушка, но он у меня был сапожник, поэтому его страшно все уважали, и не выдали, не выдали. Ну, вот вылечился, а потом он ушел и где-то, я не знаю, где-то недалеко были части Красной Армии, вот, и они перешли этот фронт и присоединились туда, вот, а мы остались, вот. Потом, как-то я это помню очень смутно, когда это, что... Вот это Северский Донец протекает, немцы были в нашем поселке, а через реку, на том берегу стояли части нашей Красной Армии, тогда советская Красная Армия была. И немцы, чтобы сюда не поступали эти, ну, представители Красной армии, они каждую ночь жгли, сжигали дом каждую ночь. А нас тогда выселили, и мы отправились. Тогда такие были колесницы, «тачки» [12] называли мы. У родной сестры маминой было

шестеро детей, я у мамы была одна. И ото детей маленьких на ту тачку, и поехали в Сахнащанский [13] район, там где-то селились, вот...Что ж произошло? Вот я ж не помню, как же- ж сложно это все. Во времени я все путаю конечно, я не помню последовательности. Я знаю, что я одна осталась, мы были на квартирах. Были люди добрые, сейчас бы ни за что бы не пустили. А тогда на квартиру, не на квартиру, а просто в семью брали нас, а мама куда-то пошла, то ли молоко покупать, и... Начали вступать, по-моему, части советской армии, начали вступать в это селение, немцы, по-моему. Бомбили, страшно бомбили. И я ж выскочила, вот эти взрывы, темнота, там лошади бьются, раненные люди кричат, дым, завеса такая дымовая .А я выскочила, и вижу: бежит мне навстречу человек, подобие человека, волосы вот так (*показывает.*) А у мамы красивые волосы были, длинные. А она кричит: «Доченька! Доченька!», и хватает так. А я не могу понять – вся в саже. А такие сельские дома были, как-то трубы. Труба была шла аж до пола, ну дома-мазанки [14] были, половые мазанки. И она в бомбежку залезла в эту трубу, а вся сажа на нее. Ну, в общем, потом опять собрались, потом опять же ж дети родной сестры, Настя, мама и мы начали отступать. Ну, значит, отступаем, а мне вручили, как раз в годы войны родился брат родной Витя. Ну, я не знаю месяц ему был, сколько. Везли свою тачку, там дети поменьше, 4-5, 6 лет, а мне этого ребенка. А мне было или 8 или 9 лет. Я вот это несу этого ребенка, головочка бедного (*показывает как свисает.*) Как вот это она не оторвалась?! Туда-сюда. А минометы со всех сторон разрываются. Тут разорвался, тут. Как не убило?! И такие я вижу ямы, такие от минометных (*подбирает слово*) воронки. И там фотографии лежат, там вот это там лошадь, там человек израненный А я бегу с этим ребенком, а в те годы бытовали такие разговоры, что детей бросали. Я уже посмотрела туда-сюда, никого нет, наверное бросили меня. Я думаю: «Че ж я буду нести этого ребенка?». Сама плачу, мне нелегко, сама ребенок. Я в воронку по-

ложила этого Витю, сама помчалась прямо. Прибегаю в село, и навстречу бежит мама этого мальчика, тетя Настя. Причитает: «А де ж дытына [15]?» А дытыны нэма [16]. А за мной женщина, соседка, там, где мы снимали квартиру. Кажэ [17]: «А у вас шо за дытына?». «Так, цэ [18] я в воронке нашла цю дытыну». А у нее детей не было, вот: «Будет помощь мне на старости лет». А тетя Настя к этому ребенку: «Так это ж наш Витя! Это ж наша дытына!». Ну, в общем, все, эта страница закончилась. Потом вторая страница. Мы с этой эвакуации возвратились домой. У нас дом был хороший. От тех домов ничего не было, только одни блиндажи [19] были, вот. И мы распределили ж вот кому в каком блиндаже, жили вот. А потом случилось. Уже наши были здесь, в поселке, уже немцы отступали нет, ну, немцы входят, а это солдаты ж наши, потому что я знаю, мы выбежали. Стрельбище! А тетя Оля еще была, вторая сестра мамина, схватили меня, и бежать в село какое-то. А была уже весна, ну видно, ранняя весна, потому что это ж мы жили там Северский Донец, и – разлив, разлив. И льдинки, так немножко примерзла вода, луга заливные. И вот эти заливные луга, ну, воды столько, и вот эта небольшая корочка льда. Бежим, мокрые все, и вокруг разряды, взрывы, копать. И, в общем, прибежали в село, и – а там пусто. Забежали в какой-то блиндаж, люди кричат: «Куда вы идете?! Тут и так мы задыхаемся!». Полно набито в блиндажах людей, вот. Это здесь...как же получается, что здесь немцы входят в это селение, немцы. Мы выбежали с этого блиндажа и где-то, там леса, леса. А вот тут уже речка течет, вот тут немцы, а наши по ту сторону. И первый раз я видела как Катюша [20] громыхает Вот мы бежим по лесу, а Катюша точно через нас. Как вот в сказке, это вы сейчас смотрите, как в сказке змея вот это взрывает этот воздух. Клубы дыма, пламя. И вот это как только выстрел, меня бросят на землю тетя и мама, а на меня завалятся. А женщины солидные такие [21]! *(смеется)* Значит, меня не убьют, а их убьют, мне будет легче. Ну, в общем, наверное, все таки вступали немцы

в эту полосу, потому что мы бежим, а наши солдатики бедные то там, то там – прячутся Мы уже буквально подбежали к нашему, там где Бумажная фабрика, где наш дом, теперь блиндаж наш только. И под мост, под мостом человек 10 наших солдатиков То же ведь, какая их судьба? Расстреляют! Прибежали домой, и во двор, там где наше пепелище, этот дом. Выбежал дедушка. Дедушка [22] наш черноволосый такой был. А то седой, белый дедушка, каже: «Мене ж тут як поставылы пид стинку [23], и обстреляли фигуру, и хохотали там...». А каже: «Во дворе у нас родственник». Вот это тети Оли, маминой сестры, ее мужа брат, папа родной. Он болел какой-то болезнью – столбняк [24] Он только так стоял где в углу и молчал. И вот немцы не терпели больных, сразу расстреляли его где-то во дворе. Долго потом у нас могила была, я даже забыла как его зовут. Ну, а наши начали бомбить, а это ж фабрика, большое пространство она занимала. Ой, боже мой, мы как ринулись с этого нашего двора, а там где-то водокачка была. В водокачке хорошие были укрытия, ну, под домом, и мы туда. И вот видим, самолеты летят, и как точно бомбы летят на нас, но ветром их относит на город. Через луг – город Змеев, ну, какие-то бомбы, я не очень помню, взрывались тут, но не много, в основном в Змиеве взрывались, вот. Ну, что, потом вот эта полоса. Что ж дальше? *(вспоминает)* Сейчас вспоминать буду, как дальше развивались события. Ну, одним словом, вступили потом немцы к нам начали отступать, вступили наши части в общем, как было здорово встречать наших освободителей. Как раз сибиряки зашли в наш поселок. Я не помню, почему они в шубах были, в таких полушубках, тут такой мех белый длинные, ну, длинноватые такие, интересные, я вот на всю жизнь запомнила – родные лица. То немцы – перекошенные злостью лица, а это – светились все. Еще помню, вот это вот я не запомнила, вот в какой момент вклинить этот случай, когда вот это... Наверное, перед этим эти события были. Речка покрылась льдом, вот эти На лошадях, колесницах этих через речку...

и под воду. Ой, какой ужас был! Это было ужасно. Я не помню этот период, когда все успокоилось. Это годы, я даже не помню, какие это были годы. Ну, уже выросла девочка, уже после войны, закончилась война. Страшно, все эти события, мы недалеко – 40 километров от Харькова, как ото зарево такое, как все жгли там, разряды, оружейные выстрелы эти. Все это было страшно конечно, но самое страшное, что уже такой возраст, что многое, последовательность стирается в памяти. Ну, после войны сложно было, очень сложно началось. Там дома были двухэтажные, там фабричные. И нам дали квартиру одну, большую, и дедушка возвратился (папа), дядя Саша, вот. А когда немцы вошли в наш поселок, так забрали моего брата, ну, тогда угоняли в Германию, ему было 16 лет. Угнали в Германию его, помню те прощания жуткие такие, вот. А потом мы начали строительство этого дома, вот. Еще не закончилось строительство – брата старшего в сороковом году, закончил 10 классов и его призвали Служил в генштабе [25], в Москве ну, а потом, не знаю, он всю жизнь был военным, вот и... Значит, я одна была при папе, при маме, тот в Германии, тот... А потом, это уже 9-тое мая 45 года. За два дня раньше перед победой мы получили от товарища, этого младшего брата. Он пишет, «что вам сообщаю о гибели вашего сына. С ним были угнаны в Германию и жили в самом страшном городе, работали в Гессене [26]». Я не знаю, 125 человек сопровождали их к зданию по месту жительства, и началось это... Союзники начали бомбить, и они, наши как-то интересно назывались, наши – блиндажами, а это тоже типа блиндажа, но они длинные. И некоторые мальчики побежали и девочки побежали к лесу, а Витя со 125 этими мальчиками забежали в блиндаж. И взрывы, и их засыпало, и они погибли – задохнулись. Один человек остался только жив. Где-то щелочка наверно была, и он самый ближний к выходу что ли, и он остался жив. А тот, что убежал в лес, тот и написал нам письмо. И в подтверждение, что он говорит правду, прислал фотографию старшего брата. Это где на паспорт, маленькую, видно

она у Вити эта фотография была. Ну, построили мы дом, так жили. Папа мой был сапожником, у него хорошая специальность была для того, чтобы прожить во всяком случае, не голодной жизнью, вот. Ходила в школу, через луг. У нас там такие удивительные места, вот этот луг, усеянный травой, цветами. Из Харькова из института приезжали, исследовали эти цветы, в общем, красота немыслимая. И ходила туда в школу. Весной разливается вода кругом, только небольшой островок – фабрика, и мы там, вот Тетю Настю, у них вообще на берегу стоял дом на берегу Северского Донца. Их заливало, и они к нам: «Откройте!». Прибегали, прятались к нам, а там же ж одна сплошная вода была. Ну, ходила я через луга вот эти, а там Змеев, город. В школу нет, сначала в сельскую школу ходила, а потом в город, училась, неплохо училась такая девочка была вся, комсомолка (*смеется*). Потом после школы закончили, был выпускной бал, ну, тогда ж никто не опекал, мамы-папы сопровождают в институты, советуют там туда-сюда. Родители очень скромные люди, вот, они... Я мечтала быть артисткой. Я только в театральный, а папа хотел, чтобы я в юридический. Ну, у меня подруга была, вот она в Москве сейчас. Ее муж был министром, сейчас на пенсии. Ну, и поехали с подругой поступать. Куда поступать? Я, конечно, в театральный, вот. Приехали в Харьков, первым делом купили брыли [27], вот такие соломенные (*показывает, смеется*). Зачем мы их купили? Поодевали, идем, зашли. А в театральный тетя, у меня такая тетя, она не кончала институтов, университетов. Но она была грамотная, начитанная Она мне говорила: «Ни за что в театральный! Кто ты в театральный...». «Это непутевое дело, – она мне говорила. Я бы сказала, как она называла тех, кто там учиться, но не буду [28]. Ну, по своей простоте, вот... И мы как-то не зашли в театральный, не зашли, а зашли по пути в университет, в актовый зал, там приемная комиссия. Ох, как нас встретили! Вас бы так встречали: «Девочки! Пожалуйста!», сюда –туда. Сели с Валеи, нам тут листы

сразу в руки, все. Нет-нет, сначала мы в юридический институт зашли. Юридический институт – строгость, такие колонны серые, мрак. Это не по-моему настроению, такое все мрачное. «Валя, – я говорю, – идем отсюда. И мы пришли в университет, а там совсем другая обстановка: висят вот эти стенды, художественная самодеятельность. И все настолько ярко, красиво! Мы остановились, нам дали анкеты. Я говорю Вале:

- А что писать тут? [Графа] «отец». Что, писать, что сапожник?

- А че ж не писать? У Сталина тоже отец был сапожник! Пиши, что сапожник!

Ну, мы тут все, помню... забыла, красивая женщина, вот с такой косой (*показывает длинную косу*): «Девочки, подходите сюда!». Подошли, отдали ей анкеты, ну, одним словом, поступили мы в университет, поступили. Трогательно в списки эти смотрели: «Ой, меня нет! Ой, меня нет! А, нет, есть, все!». Очень интересно, самая интересная жизнь была – это в университете. Потому что, школа – это еще послевоенные годы, 50-е, голодные годы были. Я помню уже неурожай какой-то год был (*вспоминает*)

Интервьюер: 47-й?

Нина Ивановна: Да, да, 47-й. Вот. Ммм, даже ноги у меня пухлые были, очень трудный [год]. Но я одна была – маме, папе легче, а вот тетя Настя – у нее шестеро детей – сложно было, очень-очень сложно. 47-й, это я даже помню, что этот год был сложнее, чем 32-й. Вообще нечего было кушать, а в колхоз нас посылали, работать там: Что-то пололи, что-то там... Когда-то летом нам давали пайки, и вот... А тетя моя и дядя, он интересная личность была. Там, он был в Тернопольской области директором был, но сам он конструктор, потом работал в Харькове, нет в Киеве. Известная фамилия, фамилия – Швец. Швец был и ректор университета, а он был конструктор. Ну, не помню, по какой специальности, но конструктор. Максим Максимович, что ли, Швец... Ну, фамилия эта известная. Вот, ну и решили нас спасти от голода – отправить сюда дяде. Дядя вот этот работал директо-

ром всех комбинатов отэто там: муку, сахар, мед, там, колбасные цеха там, все. И нас туда отправили, дали нам вот эту заработанную булку хлеба, литр молока. А мы еще, у нас тетя была очень, это папина сестра, их было трое: тетя Галя, тетя Фрося, и вот это папа. Тетя Фрося была главным инженером сахарного завода. В каком же городе? По-моему, в Бердянске [29] или в Бердичеве [30], вот. А дядя был директором, ну, я не знаю, в связи с какими событиями, что этот завод... Нет, сахарный завод не эвакуировали, и он остался там директором, и немцы заняли вот этот город. И он там остался, и он же... Тоже партизанские отряды, он очень помогал партизанам, много там эти подводы сахару возили, муку оттуда, с этого завода. Ну, никто в это не поверил и его репрессировали, расстреляли. А тетя Фрося умерла. Там же сквозняки там, в годы войны, бомбежка была, и она умерла, там осталось четверо детей. Одного мальчика мы к себе взяли, тетя Галя не знаю, почему она не взяла тех близнецов – Борю и Тамару, они там, в Киевском детдоме были, и Лиля, старшая, где-то 15 лет, она и до сих пор там где-то в Киевской области. И нас посадили в поезд, чтоб мы ехали в Тернопольскую область [31], чтоб мы от голода не умерли. Мы тут сразу сели, тут булка хлеба – тут сразу полбулки хлеба, молоко выпили. И мужчина какой-то сидел, видно, директор ресторана, что у него полный пакет были колбасы всякие там, баночки чего-то. Он сказал, чтоб больше мы не ели, да у нас и нечего было – полбулки осталось. И вот пока мы ехали в Тернополь, он нас кормил. Так это, осторожно кормил, чтобы мы... не заболели, нельзя ж сразу есть изголодавшись. И вот мы приехали, а было у нас 25 рублей, нам дали на дорогу, чтоб мы от Тернополя к Микулинцам проехали. Ну, мы вышли, и думаем: «Нет, не будем тратить на транспорт 25. Мы пешком пойдём!». И пошли с Сережей. Идем, в общем, как в сказке: солнце высоко, дорога далеко, жар донимает [32] и так далее (*смеется*). Идем, а как раз лето уже, что вишни начали зреть. И за пределами забора, так несколько вишенок

сорвем, и дальше. Ну, кто-то нас подвозил, там как подводы [33] ехали – сострадательно к нам относились, вот. И мы доехали к этим Микулинцам, и (*вспоминает*) не знали, где они живут, но я услышала, тетя Галя так же громко разговаривала, как и я. Слышу, они разговаривают, пришли к ним, чуть ли не таз наварили вареников, у них суп так пахнет, в общем, накормили нас, и я даже, по-моему, на месяц опоздала в школу, вот. Там жили очень хорошо. И вот, представь себе, вот как сейчас описывают поведение бэндэровцев [34]. Я тебе вот, как очевидец дядя Миша, у него всегда был револьвер, он же ж коммунист. Ну, почему-то, его не рогали, он какую-то политику такую мудрую вел, что его не трогали бэндэровцы. Может, со временем бы и убили, и вот каждое утро дядя Миша приходил и рассказывал, расстреляли того, одну семью, детей, стариков, всех убивали бэндэровцы этих людей. Говорят, что они святые. Зачем же детей убивать?! Вот, ну мы ж ходили в лес, не было у нас чувства страха. Ходили в лес, ну, так далеко в углубление не углублялись далеко, костры – значит, там бэндэровцы что-то, вот но то, что они загубили пол, это город по-моему – Микулинцы – город провинциального характера, но много расстреливали, убивали Это жутко было, жутко! Это вот фильм «Долгая дорога в дюнах» [35] напоминает. Там сцены, когда в леса, и заходили во двор расстреливали и так далее, так это мне напоминает страницы моей жизни напоминает этот фильм. Ну, что, учились, самое интересное. Может быть не столько мы были сытыми в эти годы, ну, я поступила в университет в 1951 году. Еще 45-й год еще сказывался, потому что сытость. Мы заходим – столовая, правда, щедрое государство было: всегда на столе у нас блюда, и гора хлеба черного и горчица. Мы прежде, чем борщ нам принесут, или мы сами ходили, сразу хлеб намазывали горчицей и съедали (*смеется*). Этот хлеб, я сейчас бы с удовольствием бы съела, хлеб, вот (*смеется*). И, таким образом, не сыто, но очень интересно. Очень интересно! Какие мы были активные! Какие были раскрытые миру! Мы готовы

были, ну, я не знаю, весь мир обнять и сделать счастливым. Вот, помню смерть Сталина, смерть Сталина... Господи, что творилось в университете! Какое это было общее горе! Трагедия! Потрет Сталина, и мы там стояли... рядом, по обе стороны от портрета. Тамара наша Корсунь, такая была деловая девочка, она уехала в Москву. А в Москву невозможно было тогда уехать – забиты были вагоны, она на подножке долгое время ехала. Потом ее мальчики как-то втиснули в вагон, вот. Ну, конечно, она не дотолпилась [36] буквально до Красной площади, но толкали хорошо, чуть не задавили там по улице, вот. Такая девочка интересная, как сейчас помню: такие белые косички (*показывает*), как она всегда пела: «Каховка, Каховка!». Бедная Она хороший педагог была, работала в это, как же называется город, забыла. Ну, потом муж у нее умер, и она переехала в Москву. Такая активная! Болезненная она уже была, у нас встреча, вот у нас настолько интересно учиться было в университет, настолько дружная была группа, буквально, ну в этом году только не встречались, а то все время встречались, все меньше, меньше. Она уехала, у нее дочь там была, уехала и возглавляла, руководила группой, как называется, допустим группа украинская в Москве (*задумалась*).

Интерв'юер: Диаспора [37]?

Нина Ивановна: Да, диаспора. Она там, Боже мой! Чуть ли не с Лужковым [38] общалась! С Лужковым рядом там пели песни, ходили в театры, вот. Но, одним словом, она умерла, сердце отказало, в один миг умерла девочка. Ну, что, потом после университета. Это была такая трагедия, я помню, (*смеется*) распределение [39] там все. Я помню, пришли в бытовую комнату, а там Неля с русского отделения говорит:

– Нина, а что заканчивает твой муж?

Я говорю:

– Электрфикация сельского хозяйства, – говорю.

– Боже мой! Это ж ты будешь в селе!

Мы тогда себе не представляли, как это «удачно выйти замуж»! За бизнесмена, за деньги. Ну, и что, что село? Любовь! При-

звание! И все, ну и все мы, значит Михаил Федоровичу дорога открыта, он везде принят в те времена, когда мы закончили уже ВУЗ, университет. Тогда назначения были. Никуда в хорошие места, девочек всех по селам. Я замужем, при муже, и Мише дали направление в Луцк [40]. Уже мы вещи туда отправили, а потом приехали к Мишиному папе, а папа его был инженером в Мариуполе [41], он там работал, в поселке это. И он говорит: «Ну, что ты Миша нас покидаешь? Не надо, я поеду сюда». Одним словом, нас оставили в Сталинской области [42]. Вещи наши оттуда переслали, вот, и мы остались. И начали мы ездить по Сталинской области. Ему везде была дорога открыта! А мне – преподаватель русского языка и литературы, вот. Я не заканчивала русское отделение, украинское отделение заканчивала, а мне нигде работы нет. Предлагают немецкий читать, а тогда, как сейчас, школу ж заканчивают – не владеют немецким языком, так что-то, директором вечерней школы. Девочка с бантиком отут – директор вечерней школы, ну словом и еще что-то, физкультуру мне предлагают в каждой школе (*смеется*). Ну, мы ездили-ездили, потом приехали недалеко от Мангуша [43], где папа Мишин, папа моего мужа, там село Володарское [44]. Так мы туда приехали, там освобождалось место девочки. Она уезжала в город Сталино, ну, Донецк сейчас, а там место освобождалось, так я осталась работать в этой школе, в Володарске. А дедушка был, ну, я не знаю, как-то он был инженер, не помню, по югу Сталинской области, что-то такое, чем-то занимался по югу Сталинской области. Так мы начали жить в Володарске. Боже мой! Там ни тротуарчиков не было, грязь кругом, страшно. Сейчас в Володарск приедешь – тротуарчики, ну, город такой провинциального содержания, ну, вот ничего, интересно, работали школа такая была, почему-то, бывшая гимназия в селе, такая из красного кирпича, строение такое, сцена хорошая была в актовом зале Мы делали себе все интересную жизнь, я с ребятами ставили даже одно действие это из «Маскарада» [45] одно действие, ездили костюмы

брали, тогда – город Жданов – в театре, костюмы. В общем очень Тогда фигура литератора в школе тогда была лучше, чем сейчас теледиктор, вот. Ездили по селам, концерты давали, я лекции читала. Потом меня избрали депутатом облсовета, вот... защищала интересы народа Одну бабенку выгнали из колхоза. Она как-то приписывала себе трудовни [46]. Вот. Я ее защищала так там, выступала, ораторством (*смеется*) своим победила сердца этих людей, которые гнали ее из колхоза. Приняли ее, но сказали: «Все равно выгоним» (*смеется*). Вот. Ну, было интересно. Потом Михаила Федоровича из Володарска переехали в Новоазовск [47] главным инженером сельхозтехники, а я – в школу, была завучем. Потом Михаил Федорович сказал: «Хватит! Два руководителя в доме – не годиться!». Я работала в школе: интересно, все меня любили, вот. Как-то интересно, несмотря на то, что вся жизнь вот это 50-е, 60-е не очень материально там достаток был, одевались, если было пальто, так не было шапки, пальто демисезонное... Михаил Федорович и переехал в Донецк в шляпе, чуть уши не отморозил, вот. Бедность была, жуткая бедность. Для того, чтобы купить учебник истории дедушка должен был ехать в Жданов [48], а денег не было, мама ему давала петуха и он с этим петухом пешком (!), там 16 километров шел на рынок. Пока стоял. Продавал этого петуха, уши отморозил. В общем, такая жизнь была, конечно, и все равно вспоминаешь эту жизнь как сказку. Вот как сказку! Как-то люди были друг к друг теплее, уважительнее, как-то не страшно было на улицу выходить. Я вот помню, мы жили в поселке, это фабричный поселок считался, а вот через луг, там где разнотравье, школа моя в Змиеве была, в самом городе. И там очень хорошие танцы были. И я ходила на эти танцы, я помню, как-то уже поздно вечером я через этот луг шла: там лошади, туман, как-то там лошади в отдалении – ничего не страшно было. А сейчас в городе – пустыня, никто не выходит на улицу. Особенно молодежь – все по кафе, где-то дома и все. Тогда так интересно. Что же интересного

вам рассказать, ну, уже и ничего интересного.

Интерв'юер: *Помните, как вы восприняли перестройку [49]?*

Нина Ивановна: Перестройку, даже не знаю как-то. Она нам одним концом по барину, другим по мужику [50]. Как-то, нормально. Я очень... Наивные мы тогда, вот вы сейчас мудрые, вы как-то серьезно, взвешиваете, а мы как-то тогда жили на одних эмоциях. Помню, я обожала Горбачева [51], обожала. Я так пережила тогда его возвращение из Крыма [52], как-то. А перестройку – нормально, думали жизнь будет бить ключом. Жизнь не улучшилась, как и сейчас не улучшается. То ли наивнее мы тогда были, чем сейчас молодежь уже дедушка [53] как-то более трезво относился к этой перестройке. Потом уже решили, что это не совсем было хорошо. А тогда мы особо не ощутили эту перестройку на себе, потому что как-то ответственности не было за ближнего, мы были юные, здоровые. Сейчас все давай лучше, лучше и лучше, а тогда – нет, тогда – нет. Все что было – все это наше, и ничего мы другого не хотели. Так что ничем вам таким особым не помогла.

Интерв'юер: *Расскажите о советской школе.*

Нина Ивановна: Советская школа. В первых, у нас не было такого богатства, как сейчас. У каждого учебники, бумага, тетради. Я помню вот это ж у меня брат в Москве, он очень у меня, потом журналист, внештатный корреспондент газеты «Известия» был. Ну, он военный был, потом уже так он мне из Москвы, или я не помню, откуда писал мне письма, что Нина, читай много, это так интересно, и пиши мне почаще письма. А на чем писать письма? Не на чем было писать письма! Бумаги не было, на этой бумаге папиросной, там же не напишешь это письмо, вот. Но все равно было очень интересно про советскую школу. Несмотря на то, что один учебник на пятерых, а все равно была какая-то ответственность. Я помню, я всегда читала вслух историю, у нас преподаватель истории был, и я так громко... Папа говорит: «Да читай

уже про себя – больше ты запомнишь». А я читала, думала, что если я буду громко читать, я буду рассказывать впечатляюще, и оценку получу выше, вот. По-моему, я вот учительницы, преподавала, все как тот, как другой, но настолько, мне кажется, учителя были на высшем уровне своей профессии. Иногда мы даже не брали друг у друга вот этот вот учебник, а запоминали то, что нам рассказывали на уроке. А если кто-то и отставал в учебе, так с ним так возились, чуть ли не на коленях учителя становились, чтобы он пришел на дополнительные занятия. А тогда мне очень интересно. Я вот помню, я неплохо училась, и шла я, конечно, я не верила, что я на золотую медаль получу, но меня готовили, что я на серебряную получу. Но с математикой у меня не очень. Не то чтобы, но я хорошо знала, но не на серебряную медаль, вот. Но потом, конечно, на экзамене, я страшно не любила геометрию с тригонометрией, эти листы исчислений, и я получила 3 четверки в аттестате и не получила серебряную медаль. Но папа всегда мной гордился.

Сама интересная личность моего папы. Он был очень талантливым мальчиком и судьба у него, как у Ваньки Жукова [54]. Он рос в семье большой, детей много. Он был прекрасный ученик, вот. И его готовили школе, какой же, приходской. Ну, это высшая школа, он хорошо учился, но когда он пришел, он получил свидетельство с оценками. Дедушка сказал (уже мой дедушка): «Ну, нет, Ваня, иди-ка ты в ученики к сапожникам!». И точно в Харьков его отправили, это город Змеев. В Харьков его отправили, точно такая судьба: ничего ему, только сам смотрел, кто что дела, а сам бегал тому водку нужно купить, тому табак нужно купить, а спал точно на цементе. Когда дедушка приехал его проведать, его так скрутило. Ему сообщили, что Ваня больной. Его скрутило, а ну, на цементе, его ноги вот так (*показывает*), весь скрюченный был. И вот так мой дедушка сапожничал всю жизнь. Хоть и плохо учили, но он сам учился. Так он в эту приходскую школу не попал. Всегда он настолько... Он всего Глазового [55],

юмориста, у меня есть книжка его, он знал наполовину. Как какое-то застолье, и когда дедушка приезжал к нам в Донецк, дедушка еще был жив: «Читай Глазового!». Он как артист, всегда Глазового читал... А вот это Шолохова [56] деда Щукаря [57], все эти монологи он знал наизусть, дедушка вот это читал Шолохова, Глазового, другие книги. Без высшего образования, но умнейший дедуля был. А мама, она конечно, выросла в семье, когда ей было 9 лет, а детей всех было 10 человек. И мама ее рожала, папа – дедушка мой помер. Ну, он такой изумительный человек был, но пил, наверное, не от хорошей жизни. И вот когда она рожала, ей сказали, что долго, пропал на некоторое время этот дедушка, а потом ей сообщили, уже когда она в роддоме была, что нашли его где-то под забором еле живого, и у нее кровотечение, и она умерла. И она родила мальчика, и умерла. Это одиннадцатый ребенок был, его воспитывали три месяца, потом он умер. Потом это она поминала мамочку, вот эта мука, которая была – она замесила тесто, а потом не хватило, и она развлекала, развлекала, и потом побежала к тете. А тетя, как она говорила, тогда держала лавку, ну, наверное сейчас это не лавка А что?

Интерв'юер: Ларек?

Нина Ивановна: Ларечек, да. А тогда – лавка, вот. И она одолжила чуть, отдала ей муку. Так она поминала маму, напекла пирогов, застелила все кровати, ну, какие там кровати были, подоконники, а тетя Оля – ей уже было 16 лет – на фабрике бумажной работала, как пришла: «Что ты наделала?». Начала ее лупить. А дедушка такой русский был: «Что ты, Олечка? Ну, что ты!». А у нее косы были, обгорели волосы, брови – она в печь лазила (*показывает, смеется*). Поминала маму, в общем вот так, и. Боже мой, и братья – один брат остался жив. В первые дни войны 2-х братьев убило, потом еще в течении всей войны тоже не осталось, и тот уже умер, уже все поумирали, и мои родители.

Интерв'юер: Что представлял собой блиндаж?

Нина Ивановна: Вырывали яму глубоко в земле, деревянные перекрытия, а сверху земля. Укреплялось не обструганными досками, были столы, табуретки. А сверху присыпали землей, чтобы не видно было.

Интерв'юер: Почему Вы стеснялись писать в анкете профессию отца «сапожник»?

Нина Ивановна: Ну, это было детство еще. Смущалась...

Интерв'юер: Какие еще исторические события оставили яркий след в памяти?

Нина Ивановна: Ну, кроме того что уже сказала, так, ничего...

Примітки

1. **Лежанка** – невисокий кам'яний виступ біля печі (здебільшого опалюється самостійно), на якому можна лежати, спати.
2. **Замурзаний** – (розм.) брудна, в сажі.
3. **Зміїв** – місто районного значення в Харківській області України, адміністративний центр Зміївського району. Розташований в 42 км від обласного центру, м Харкова в місці впадання річок Сіверський Донець та Мжа.
4. **Сіверський Донець** – річка півдня Східно-Європейської рівнини, що протікає через Харківську, Донецьку та Луганську області України, правий (найбільший) приплив Дона.
5. **41-й рік** – 1941, рік початку Великої Вітчизняної війни.
6. **Соколове** – село, Соколовський сільська рада, Зміївський район, Харківська область, Україна. В боях за оборону села проти німецько-фашистських загарбників прийняв бойове хрещення 1-й батальйон чехословацької армії. 8 березня – 9 березня 1943 р. батальйон спільно з радянськими військами відбивав численні атаки танків і піхоти ворога. За мужність і героїзм 84 бійця батальйону були нагороджені радянськими орденами і медалями.
7. **Колонка** – мається на увазі водяна колонка – пристосування для доступу до водопровідної води. Являє собою кран, встановлений усередині невеликої колони. Поширений в місцевості без підведення во-

ди до житлових будинків (невеликі міста, села, села).

8. **Дідусь** – має вигляді сового батька.
9. **Дизентерія** – інфекційна хвороба.
10. **Тиф** – особливо гостра інфекційна хвороба.
11. **Дідусь** – мається на увазі батько.
12. **Колісниця, тачка** – ручний візок на одному колесі, з ящиком, яку возять, штовхаючи поперед себе.
13. **Сахнащанській район** (Сахновщинський район) – адміністративна одиниця на південному заході Харківської області України.
14. **Мазанка** – будова, хата з глини, сирцевої цегли або тонкого дерева, обмазаного глиною.
15. Дитина! (укр.)
16. **Нема** (укр.) – нету, отсутсует.
17. **Каже** (укр.) – говорить.
18. **Це** (укр.) – это.
19. **Бліндаж** – постійна або тимчасова фортифікаційна підземна споруда для захисту від кулеметного, артилерійського, мінометного вогню, від напалу із зброї масового ураження і для відпочинку особового складу. За своєю конструкцією нагадує зруб, повністю заглиблений під землю.
20. **Катюша** – неофіційне збірна назва бойових машин реактивної артилерії БМ-8 (82 мм), БМ-13 (132 мм) і БМ-31 (310 мм). Такі установки активно використовувалися СРСР під час Другої світової війни.
21. **Солідні такі** – мається на увазі – великої статури.
22. **Дідусь** – мається на увазі батько.
23. **Поставили під стінку** (укр.) – поставили под стенку.
24. **Правець** – бактеріальне гостре інфекційне захворювання.
25. **Генштаб** – Генеральний штаб, в роки Великої Вітчизняної війни 1941-45 рр. Генеральний штаб був основним органом Ставки Верховного Головнокомандування зі стратегічного планування та керівництва Збройними силами на фронтах.
26. **Гессен** – федеральна земля в Німеччині.
27. **Бриль** – солом'яний капелюх з прямими широкими полями.

28. **Я б сказала, як вона називала тих, хто там вчитися, але не буду** – має на увазі жінок, що займаються проституцією. Стереотипне уявлення про акторок в деяких верствах населення того часу.

29. **Бердянськ** – місто обласного значення в Запорізькій області України, адміністративний центр Бердянського району, курорт державного значення. Розташований у Північному Приазов'ї на східному березі Бердянської затоки в північній частині Азовського моря.

30. **Бердичів** – місто в Житомирській області України, адміністративного центр Бердичівського району.

31. **Тернопільська область** – область на заході України. До 9 серпня 1944 р. носила назву Тарнопольська область.

32. **Сонце високо, дорога далеко, жар дошкуляє** – слова з народної казки «Сестричка Оленка та братик Іванко».

33. **Підведення** – візок, віз для перевезення вантажів, двигуюча кінною тягою.

34. **Бендеровці** (укр.) – розмовна назва учасника Української повстанської армії.

35. **«Довга дорога в дюнах»** – назва художнього фільму (мелодрама), СРСР, 1980. Режисер - Алоїз Бренч.

36. **Дотолпилась** – (розм.) пробралася через натовп.

37. **Діаспора** – частина народу (етнічна спільність), що живе за межами країни свого походження, своєї історичної батьківщини.

38. **Лузков Юрій Михайлович** (нар. 21 вересня 1936, Москва, СРСР) - російський політичний діяч, з 1992 - 2010 рр. – мер Москви.

39. **Розподіл** – практика примусового визначення випускнику вищу місця подальшої роботи, яка мала місце в СРСР.

40. **Луцьк** – місто на північному заході України, адміністративний центр Волинської області.

41. **Маріуполь** – місто на південному сході України на березі Азовського моря в гирлі річок Кальміус і Кальчик, Донецька область.

42. **Сталінська область** – (нині Донецька) область на південному сході України,

утворена 3 червня 1938 р., коли зі складу старої Донецької області виділена Ворошиловградська (нині Луганська область) і Сталінська (нинішня Донецька).

43. **Мангуш** – селище міського типу, районний центр Першотравневого району Донецької області на річці Мокра Белосарайка (впадає в Азовське море) в 25 км від станції Маріуполь.

44. **Володарське** – селище міського типу, районний центр Володарського району Донецької області на річці Калец (права притока Кальчик) в 25 км від станції Маріуполь.

45. **«Маскарад»** – драма М.Ю. Лермонтова в чотирьох діях, у віршах, що оповідає про петербурзькому суспільстві 1930-х років XIX століття.

46. **Трудодень** – міра оцінки і форма обліку кількості та якості праці колгоспника в колгоспному виробництві (1930-1966).

47. **Новоазовськ** – місто районного значення в Донецькій області України, райцентр Новоазовського району, розташований на узбережжі Азовського моря, на схід від Маріуполя.

48. **Жданов** – місто на південному сході України на березі Азовського моря в гирлі річок Кальміус і Кальчик.

49. **Перебудова** – загальна назва сукупності політичних і економічних реформ, що проводилися в СРСР у 1986 – 1991 рр.

50. **Одним концом по барину, другим по мужику** – слова з поеми Н. А. Некрасова «Кому на Русі жити добре».

51. **Горбачов Михайло Сергійович** (2 березня 1931 р., Привільне, Північно-Кавказький край) – Генеральний секретар ЦК КПРС (11 березня 1985 – 23 серпня 1991 рр.), перший і останній Президент СРСР (15 березня 1990 – 25 грудня 1991 рр.).

52. **Крим** – Кримський півострів, знаходиться на півдні України.

53. **Дідусь** – має на увазі свого чоловіка.

54. **Ванька Жуков** – персонаж оповідання А. П. Чехова «Ванька», написаний в 1886 р.

55. **Глазовий Павло Прокопович** (30 серпня 1922 р., село Новоскелюватка – 31 жовтня 2004 р.) – український поет-гуморист і сатирик. Автор 13 книг сатири і гумору, 8 книжок для дітей.

56. **Шолохов Михайло Олександрович** (11 травня (24 травня) 1905 р. – 21 лютого 1984 р.) – російський радянський письменник, лауреат Нобелівської премії з літератури (1965 р – «за художню силу і цілісність епосу про донське козацтво в переломний для Росії час»).

57. **Дід Шукарь** – герой роману М.О. Шолохова «Поднятая целина».